

Анатолий Доронин

Художник Константин Васильев

Доронин А. И.

Художник Константин Васильев / А. И. Доронин —

Былинно-мифологическая тема – основная в творчестве художника Константина Алексеевича Васильева (1942 – 1976). На его картинах оживает поэтическая сказка, заставляющая зрителей погрузиться в мир истории, вспомнить о том, кем были их предки, каким богам поклонялись, к каким нравственным идеалам стремились. Художник серьезно изучал древнерусские былины, песни, сказания, результатом чего явились картины `Северная легенда`, `Нечаянная встреча`, `Плач Ярославны`, `Ожидание`, `Северный орел`, `Человек с филином`. Он писал также на темы скандинавского эпоса, индийской эпической поэзии. Наличие символов, необычное цветовое решение полотен – использование серебристо-серого цвета и его оттенков, делают картины Константина Васильева узнаваемыми, а его личный путь в искусстве – самобытным. Книга содержит большое число репродукций. Оригинал файла с несжатыми иллюстрациями приличного качества расположен по адресу: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/D/DORONIN_Anatoliy_Ivanovich/Hudojnik_Konstantin_Vasil'ev..zip

Содержание

Об авторе	5
Предисловие	6
Художник Константин Васильев	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Доронин Анатолий Иванович Художник Константин Васильев Рассказ о творчестве

Об авторе

Анатолий ДОРОНИН родился в 1945 году в г. Красноармейске Донецкой области. Окончил инженерный факультет Военной академии бронетанковых войск. Военный журналист. Публиковался в журналах «Детская литература», «Молодая гвардия», в библиотечке «Красной звезды». Является автором-составителем двух комплектов открыток: «Константин Васильев» (издательство «Правда») и «Русь былинная» (издательство «Изобразительное искусство»).

«Художник Константин Васильев» – первая книга Анатолия Доронина.

Предисловие

В 1980-е годы русская историческая живопись обогатилась новым художником, сразу обратившим на себя внимание современников, – Константином Алексеевичем Васильевым. Все, его картины, независимо от изображаемой эпохи, историчны: даже рисуя современность, художник протягивает невидимые нити в прошлое и в будущее, заставляя зрителя размышлять о движении жизни русского народа. Влюбленность в романтику родной старины, в ее чистое, патриотическое опозитивирование давних былинных и сказочных героев придает особую силу картинам Васильева.

Многие художники воскрешали полусказочный, полуисторический мир былины. Художнику Константину Васильеву удалось увидеть этот богатый мир по-своему, дать новую трактовку этой вечной патриотической темы. Горько сознавать, что талантливый художник прожил такую короткую жизнь: Константин Алексеевич родился в 1942 году и скончался в 1976 году.

К.А.Васильев, войдя в круг эстетических интересов современников, сразу заявил себя ярким и самобытным мастером. В лучших произведениях художника воплотились талант колориста, звание законов композиции, способность и умение передать всю глубину человеческих переживаний.

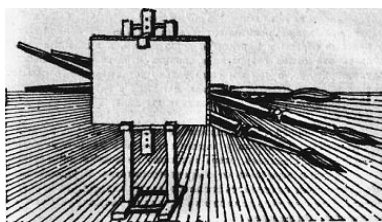
В несколько условной манере художника нашли отражение древнерусские живописные традиции. Отсюда не только богатство так называемого мира Васильева – сказочности и поэтичности его образов, но и их общепонятность, народность.

Васильев покоряет гармонией своего собственного художественного прочтения русских былин, сказаний, эпоса народов Севера, мифов Древней Греции. Щедрая декоративность и символика картин художника не заслоняют от зрителя воспитательной направленности его искусства. Мир Васильева насыщен живыми понятиями высокого патриотизма, готовности к самопожертвованию, чести и достоинства человека, его безграничной доброты и великодушия. Художник глубоко современен. Сохраняя стилистику творчества, в своей военно-патриотической серии он обогащает мир художественных произведений взятыми из жизни образами героев Великой Отечественной.

Сочетание личностных характеристик, духовной целостности человека, окружающей природы, мира предполагает самобытную творческую концепцию самого художника, своеобразие его мироощущения. Именно поэтому наследие Константина Васильева подлежит не только рачительному сбережению, но и тщательному изучению, исследованию его художественного языка, истоков Дарования. В этом отношении предлагаемая книга Анатолия Доронина «Художник Константин Васильев» поможет читателю войти в обстановку личностного поиска художника, проследить этапы становления его как зрелого мастера.

Академик В. А. РЫБАКОВ

Художник Константин Васильев

... Кто-то посмышленнее или просто посмелее других прямо на стылом тротуаре разжег маленький костер. И эти робкие, неяркие еще язычки пламени – больше символ тепла, чем само тепло – манили к себе людей, терпеливо выстаивающих длинную, почти в два квартала, очередь к входу в выставочный зал. Из холодной темноты раннего зимнего вечера подходили они к костерку, протягивали к огню озябшие ладони и, подержав их минуту-другую над пламенем, снова уходили в темноту. А их место у огня занимали другие... Многие, очень многие люди стояли здесь, на Малой Грузинской, в страшную стужу – в Москве в те дни были невиданные, под сорок градусов, морозы. Стояли час, и другой, и третий, чтобы увидеть чудо, окунуться в сказку, испытать радость приобщения... Люди пришли «на Васильева»...

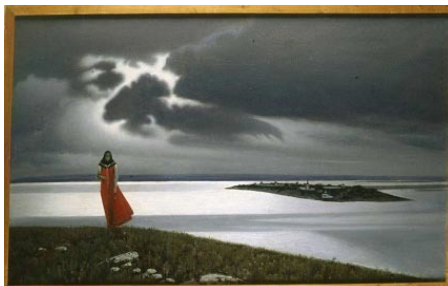
* * *

Со стен просторного, ярко освещенного зала лучились приглушенным светом картины. Былинный витязь и русская красавица, суровый и далекий мир скандинавских саг и знакомые лица, реальные пейзажи. И странное чувство не отпускало зрителей: узнавание – неузнавание. Казалось, еще одно усилие, еще один миг – и вспомнится, где и когда уже видели это. Нет, не на другом полотне – в жизни! Где? Когда? И как избавление – вдруг пришедшее понимание: все это теплилось, складываясь в неясные образы и картины в душе нашей, а художник сумел угадать это самое сокровенное, понять и выразить в красках, одухотворить то, о чем мы сами только догадывались, о чем мы только мечтали. Оттого, наверное, и щемит в груди при взгляде на творение мастера, и рвется вдруг дыхание, а к горлу подкатывает ком...

Забыв о только что терзавшем их жестоком холоде, в трепетном напряжении замерли у картин студенты и ученые, художники и рабочие. Медленно, очень медленно проходили по залу зрители, с трудом отрываясь от очередного полотна. И удивительно, что этот поток, подчиняясь каким-то своим внутренним законам, обтекал, оставлял неприкосновенной хрупкую девушку, застывшую у картины «Ожидание».

Девушка ничего не слышала. Прижав руки к груди, она неотрывно смотрела на картину и... видела себя. На холсте, по ту сторону заиндеветшего окна, поросшего ледяными узорами, стояла она... она сама! Русоволосая, бледная, с горящей свечой в тонких пальцах. И это в ее собственных глазах застыло ожидание, предчувствие... Неизменное для русских женщин на протяжении многих веков ожидание счастливого мгновения и одновременно готовность принять на себя чужую боль, разделить ее с несчастным стали близкими нашей современнице.

А чуть поодаль два журналиста – пожилой, сухощавый, но очень энергичный, и средних лет, молчаливый, мягкий, неторопливый – обсуждали каждый экспонат не более минуты, но так тщательно, как будто бы передавали на телетайп сразу в печать: «Посмотрите на картину „Свяжск“, ветер дует, чувствуете? Дышит влага от реки. Девушка наперекор всему движется к заветной цели. А теперь взгляните на „Лесную готику“. Вот лес, в котором мы часто бывали, который нам знаком и соснами большими, и порослью, и травами, и освещением. Смотрите на картину с расстояния пяти сантиметров или отойдите на пять метров, и вы увидите, что это настоящая трава и настоящая кора, самых естественных оттенков... Здесь нет никаких

формалистических трюков. А вот самая настоящая богатая шаль узорчатая, и парень приник к девушке с таким выражением лица, что и мы ради нее готовы все забыть».

У следующей картины они задержались: «Смотрите, какой взгляд, вы его чувствуете? Я его чувствую как укор. И филин... – какая в нем ясность-таинственность. Свеча в руке светит, и огонь под ногами горит».

В заключение, охватив взором всю выставку, пожилой журналист категорически заявил своему неповоротливому спутнику: «Вот она, правда. Она свое взяла. Всё говорили, не надо, мол, особенно реализмом увлекаться, можно скрашивать, приукрашивать, преломлять. А на самом деле все эти разговоры – попытка уйти от добросовестного труда. Вот она – честность... Знаете, я спрашивал у искусствоведов, живущих в Париже, какой стиль сейчас самый модный. И вдруг неожиданно для себя услышал, сразу без всяких размышлений: „РЕАЛИЗМ“. – „Как реализм? Неужели в 80-е годы самое острое и щекотливое есть реализм?“ – „Да“, – был быстрый хладнокровный ответ, и парижане как бы удивлялись моему непониманию. Я не отступался: „И как же у вас получается этот реализм?“ – „Плохо получается, с большим трудом“. – „Почему?“ – „Потому что реализм был утерян у нас в начале века, а сейчас за два-три года ничего не восстановишь!“

Плотной массой сгрудились люди в углу возле столика с книгой отзывов. Каждый из них хотел выразить свои чувства.

Вот некоторые из записей. «В картинах много правды, они очищают душу. Их должна видеть вся Россия!»; «Выставка – это необыкновенная сказка наяву. Нет сил оторваться от картин. Это наслаждение великим»; «Пусть я ошибаюсь, но не могу сравнить эти картины даже с нашими известными классиками живописи. Это совсем другое, но очень родное, близкое и в то же время непостижимо высокое...»; «Посмотрел – и умереть не жалко... Просто нет слов, это, наверное, самое сильное впечатление от искусства на всю жизнь»; «...посмотрела – и как искупалась в источнике живой воды...»

Творчество художника не вмещается в рамки созданных им картин, оно много шире. Им создан мир мучительно и неуловимо знакомый, будто озарением художника вернулась нам память пращуров наших. Странно и чудесно зритель вдруг увидел себя в новом измерении – от седой древности до наших дней, вечность коснулась сердец наших, «и стало видно далеко – во все концы света...». Люди открыли для себя художника и утратили покой: кто он, откуда появился, как стал самим собой?..

* * *

Чтобы ощутить внутренний мир человека, непременно нужно коснуться питавших его корней, почувствовать их крепость, связь с родной землей. Константин Васильев мог гордиться своей родословной. Отец его, Алексей Алексеевич, родился в 1897 году в семье питерского рабочего. Волею судьбы стал участником трех войн, в том числе первой мировой и гражданской, где был бойцом легендарной Чапаевской дивизии. С 1919 года – член партии большевиков. А с 1923-го на руководящей работе в промышленности. Человек, наделенный большим природным умом, он с самого детства тянулся к литературе. Собранная им огромная биб-

лиотека, пожалуй, единственный багаж, неизменно сопутствовавший Алексею Алексеевичу во все периоды его походной жизни. Именно эрудиция этого человека стала той притягательной силой, что укрепила любовь к нему Клавдии Парменовны Шишкиной, несмотря на их девятнадцатилетнюю разницу в возрасте. Перед войной молодая чета жила в Майкопе, где Алексей Алексеевич был главным инженером одного из крупных заводов, а Клавдия Парменовна – техником-технологом.

Первенца ждали с нетерпением. Но за месяц до его рождения Алексей Алексеевич вместе с сыном от первого брака, тоже Алексеем, ушел в партизанский отряд: к Майкопу приближались немцы.

Клавдия Парменовна уже не смогла эвакуироваться. Восьмого августа 1942 года город был оккупирован врагом, а третьего сентября родился Константин Васильев.

Первые дни и месяцы жизни встретили будущего художника испытаниями. По нескольким штрихам из воспоминаний Клавдии Парменовны мы можем сегодня живо представить себе ту величайшую опасность, которая ежедневно нависала над ней и ее сыном.

С грудным ребенком она перебралась к своей матери, оставшейся в одиночестве после ухода на фронт четырех ее сыновей. В доме, где они жили, как и во всех других домах, размещались немецкие солдаты. И по ночам, чтобы не будить их детским плачем, приходилось с ребенком на руках просиживать во дворе до самого утра. Город часто бомбили, и тогда они прятались в погребе или в траншее, вырытой в саду.

Однажды бомбежка началась утром. Клавдия Парменовна принялась быстро собираться, чтобы выйти из дома и где-то укрыться. Набросила на плечи шаль и пальто, схватила одеяло, с головой завернув в него Костю. И только шагнула к порогу, как по ту сторону двери ухнула бомба. Разворотив крышу, чудовищная сила разметала все в кухне: подломилась и осела русская печь, полетела в разные стороны мебель. В дверь выйти было уже невозможно, и женщина поспешила к окну. Едва распахнула створки, как тут же, буквально в метре от нее, с шипением упала другая бомба, но, воткнувшись в кирпичный тротуар, почему то не взорвалась. Собрав остаток сил, крепко прижав к себе Костю, Клавдия Парменовна оставила это жуткое место.

В страшные месяцы оккупации семье приходилось туго. Население ничем не снабжалось. Не было ни воды, ни электричества, ни запасов продовольствия. Негде было достать сахара, крупы. Купить что-то на рынке Васильевы не могли, поскольку Клавдия Парменовна была лишена всего имущества, попав в списки неблагонадежных. К счастью, основное питание маленького Кости составляло грудное молоко, а когда появлялась острая нужда поддержать его силы, мать варила на воде из кукурузной муки кашу, которая очень быстро застывала. Кусочек такой каши отламывала и давала ребенку вместо соски.

Но, несмотря на тяжелейшие условия, голод и холод, Костя рос крепким ребенком, почти не болел.

Однажды к ним во двор зашла незнакомая женщина средних лет и сразу обратилась к Клавдии Парменовне:

– Я из партизанского отряда. Мне нужно узнать, кто у вас родился.

– Мальчик, мальчик! – торопливо сообщила счастливая мать, радуясь нечаянной возможности передать дорогую весточку Алексею Алексеевичу. И как бы раздумывая, добавила: – Правда, пока вот не регистрировала его. Боюсь идти в комендатуру.

Женщина передала деньги и, попрощавшись, ушла...

На другой день, рано утром, к дому подъехали два мотоцикла. В коляске одного из них сидел немецкий офицер, позади, на багажнике, – переводчик, из предателей. Они прошли в комнату, где Клавдия Парменовна качала на руках ребенка и стали ее допрашивать:

– Кто твой муж? Где он сейчас? Коммунист?

Женщина только недоуменно пожимала плечами. Потом последовала новая серия вопросов:

– Где и кем сама работала? Комсомолка?..

Сделали обыск. Перерыли весь дом, но, не найдя ничего, ушли. Однако Клавдия Парменовна почувствовала, а потом и убедилась в том, что за ней постоянно наблюдают. Очевидно, немцам хотелось установить, бывает ли кто у нее, раскрыть возможные связи с партизанами.

С того дня к ним перестали ставить солдат на отдых, а на входную дверь повесили предупреждающую табличку, увидев которую немецкие солдаты поворачивались и уходили. Жизнь Васильевых держалась, что называется, на волоске. И только стремительное наступление наших войск спасло их.

Уже после освобождения города стало известно, что та незнакомая женщина действительно была разведчицей партизанского отряда. Немцы тогда же выследили и казнили ее.

Майкоп освободили 3 февраля 1943 года. Спустя несколько недель вернулся отец Константина и, вновь став главным инженером завода, приступил к его восстановлению. Жизнь семьи Васильевых заметно изменилась. Появились дрова, а значит, и тепло в доме. Весной супруги посадили во дворе немного овощей. Опасность голода миновала, и следом в семью пришли радость, счастье. Ведь кругом были свои, родные люди.

В 1945 году обком КПСС перевел Алексея Алексеевича в Краснодар начальником производства на один из станкостроительных заводов. Город был разрушен, основательно пострадал и жилой фонд, поэтому новоселам пришлось ютиться на частной квартире, на окраине. Их жилое помещение, пристройку к дому, смело можно было назвать лачугой. Через некоторое время Васильевых разместили на территории завода, отделив уголок от конторы механического цеха, где за тонкой перегородкой работали станки.

Костя пошел в детский сад при заводе, а Клавдия Парменовна получила возможность работать конструктором.

Рос мальчик веселым, любознательным. Воспитатели особенно отмечали его память. Он заучивал целые книжки, много длинных стихов и всегда выступал на детских утренниках.

В апреле 1946 года у Кости появилась сестренка – Валентина. Находиться с грудным ребенком в грохочущем цехе не было никакой возможности, да к тому же их холодное помещение обогревалось по ночам одной электрической плиткой. С квартирой ничего не решалось, и Алексей Алексеевич попросил через министерство перевести его в другой город. Просьбу специалиста удовлетворили и дали назначение в Казань.

В пути не обошлось без приключений и новых испытаний для Константина.

К тому времени у Васильевых, кроме крошечной Валентины и трехлетнего Кости, жила еще тринадцатилетняя Лида, племянница Клавдии Парменовны, которую та взяла у больной сестры на воспитание. И вот этой большой семье предстояло осилить огромное расстояние. Решили ехать до Сталинграда, а там пересечь на пароход.

Поезда в то время были забиты демобилизованными воинами, стремившимися поскорее вернуться домой. Люди набивались по вагонам без числа и счета. Немудрено, что в такой толчее, когда поезд, который Васильевы взяли штурмом, тронулся и, казалось, можно было наконец-то с облегчением вздохнуть, Клавдия Парменовна вдруг обнаружила: пропал Костя.

Алексей Алексеевич, едва протискиваясь по вагонам, отправился разыскивать сына. Но проходили часы, а мальчик не появлялся. Лида хныкала и требовала воды, пищала малышка. Мать ничего не слышала и не видела. Прижавшись спиной к стенке вагона, она тихо плакала.

Мучительно тянулось время, и Клавдия Парменовна стала подумывать о том, чтобы сойти на очередной станции, как вдруг в вагоне появился военный моряк, державший на руках Костю.

– Ну, вот тут давай еще посмотрим твою маму...

Женщина не знала, как и благодарить спасителя. Наконец, успокоившись, она свободной рукой крепко прижала к себе сына...

Прибыв в незнакомый город, они прождали еще несколько дней на пристани, пока не сели на пароход до Казани. Но любая дорога когда-нибудь кончается...

На новом месте Васильевы получили неплохую комнату, отдали Костю в детский садик. Там у четырехлетнего мальчика воспитатели впервые обнаружили дар к рисованию. Удивительно: не привлекали малыша ни детские машинки, ни затейливые механические игрушки. Не разлучался он лишь с заточенным простым карандашом. А уж когда к Косте попадали цветные карандаши, восторгом малыша не было предела. Но стоили они тогда дорого.

Однажды Лида надоумила Клавдию Парменовну отнести на рынок свой хлеб, дневную пайковую норму, и на вырученные деньги купить коробку цветных карандашей. Когда Костя получил подарок, глазки его засветились радостью. Он очень берег карандаши и, ложась спать, всегда клал коробку под подушку.

От перемены климата в Казани в первый год Костя несколько раз болел воспалением легких, сильно похудел. К морозам он еще не привык, а зима стояла суровая. Да и приехали-то Васильевы на новое место, не имея хорошей теплой одежды.

Врачи советовали родителям отправить ребенка хотя бы на время за город, поближе к лесу. Мальчика привезли в поселок Займище, неподалеку от Казани, в лесной санаторий, где он очень скоро окреп и поправился.

В это время в гости к ним приехал дедушка – Пармен Михайлович Шишкин. В войну он был эвакуирован из Майкопа в Туркмению. Его жена, мать Клавдии Парменовны, умерла еще в 1943 году, поэтому Пармен Михайлович не спешил возвращаться домой. И вот решил теперь перебраться поближе к своей дочери.

Погостив немного у Васильевых, он поступил работать бухгалтером в подсобное хозяйство курорта «Тарловка», что на реке Каме, напротив города Набережные Челны.

Летом старик пригласил родственников погостить у него. Ехали к дедушке на пароходе, вначале по Волге до камского устья, а дальше по Каме. Получилось увлекательное путешествие. Весь путь следования парохода Костя гулял по палубе, упиваясь речным ветром, с ненасытным любопытством глядя по сторонам. Дедушка встретил их в Набережных Челнах на моторной лодке и перевез на противоположный, дикий, берег. По обе стороны Камы берега крутые, скалистые; природа впечатляет своей суровостью и величавой красотой.

Домик, в котором квартировал Пармен Михайлович, находился в нескольких шагах от леса, куда гости ходили каждый день за грибами, ягодами, валежником.

Это был дремучий лес с громадными соснами, разлапистыми елями, с чащами темными и жутковатыми. Человеку непривычному невольно казалось, будто он попадал в сказку. Пение непуганых птиц усиливало впечатление волшебства, нереальности всего окружающего.

Константин с любопытством рассматривал и цветы колокольчиков на опушках леса, и мухоморы фантастической окраски, и всевозможные травы. С дедушкой они спозаранку

гуляли по лесу, где не раз встречали барсуков, белок и даже видели однажды маленького медведя.

Костя запомнил все. И теперь, когда Клавдия Парменовна смотрит на картину «Гуси-лебеди», пейзаж этот напоминает ей тот самый дремучий лес на берегу красавицы Камы.

В 1949 году семья переехала на постоянное жительство в поселок Васильево, в 25 километрах от Казани. Это живописное место находится там, где речка Сумка впадает в затон Волги, а с другой стороны в великую реку приносит свои воды Свияга, вдоль которой тянутся богатые леса.

В первый же год Васильевы купили лодку с подвесным мотором и все свободное летнее время проводили на Волге. Отец любил природу и был страстным рыбаком, охотником. Нередко брал с собой детей и жену, вывозил их на какой-нибудь островок или отдаленный берег Волги, ставил там шалаш и вместе рыбачили. Весело и интересно проходили такие поездки.

Иногда Васильевы разнообразили отдых: ходили к знакомому леснику дяде Мише, где после долгих лесных прогулок и затяжных разговоров у раскаленной печи оставались ночевать в стогу сена.

Зимой у Кости появилась вторая сестренка – Людмила. Ему к тому времени было уже семь лет и он ходил в первый класс. Учился Константин прекрасно. Освоив чтение, стал интересоваться книгами. Первая любимая его книжка – «Сказание о трех богатырях». Тогда же познакомился мальчик с картиной В.М.Васнецова «Три богатыря», а годом позже скопировал ее цветными карандашами. Рисовал по вечерам в своей маленькой комнате, никому не показывая. И в день рождения отца преподнес ему в подарок картину. Сходство богатырей было поразительным. Вдохновившись похвалой родителей, мальчик скопировал «Витязя на распутье», тоже цветными карандашами. Сделал затем рисунок карандашом по скульптуре Антокольского «Иван Грозный». Есть несколько Костиных рисунков того времени, где он изобразил отца за книгой и в лодке, во время рыбалки. Сохранились его первые пейзажные зарисовки: пень, усыпанный желтыми осенними листьями, избушка в лесу.

Константин мог часами рассматривать репродукции с картин художников и иллюстрации в книгах. Любил ходить в кино, по несколько раз смотрел «Адмирала Ушакова», «Нахимова», «Чапаева». Придя домой, тут же брался за карандаш и изображал этих героев, передавая сходство с игравшими их артистами.

Порой фильмы рождали среди его сверстников новые игры: в уличных спорах появлялись свои полководцы, герои и атаманы. В этих играх выковывал характер и Костя.

По экранам прошел американский фильм «Тарзан». Все жители поселка потянулись смотреть на диковинного человека. Детвора училась кричать «по-тарзаньи», быстро взбираться на высокие деревья. Перед домом, где жили Васильевы, росли большущие березы, с ветвями, спускавшимися до земли. Малышня забиралась на них, усаживалась на ветках и раскачивалась, подражая Тарзану. Однажды Костя поднялся выше всех, показывая остальным ребятам свою храбрость. Ветки не выдержали, и он с большой высоты свалился на землю. Когда очнулся, не мог перевести дух, но так как все мальчишки громко смеялись, он молча, из последних сил, поднялся и побрел домой, не показав и тени малодушия. Гордый, самолюбивый характер близкие подмечали в нем с детства.

В поселке в то время ни в одной из школ не было преподавателя рисования со специальным художественным образованием, но все учителя отмечали его особый дар. Рисунки мальчика часто висели на школьной выставке.

А потому Клавдия Парменовна и Алексей Алексеевич, собрав однажды рисунки сына, послали их в Москву, в художественную школу-интернат при институте имени Сурикова. Вскоре проводили туда и самого Костю.

В огромном городе Костя Васильев, еще подросток, быстро определил свои любимые места – это Третьяковка и Пушкинский музей, Большой театр и консерватория. С недетской серьезностью изучал он «Трактат о живописи» Леонардо да Винчи, а потом и картины этого великого мастера, со всем пылом юной души слушал музыку Бетховена, Чайковского, Моцарта и Баха.

Во время учебы в художественной школе зародилась глубокая, прошедшая через всю его жизнь любовь к старым мастерам. Васильев со страстью коллекционера собирал репродукции с картин, внимательно изучал композицию, рисунок, цветовые оттенки каждой работы и примерялся к ним, «проигрывая» на свой лад. Знакомясь с подлинниками, пристально всматривался в технику письма.

И когда в выходные или праздничные дни Клавдия Парменовна приезжала навестить сына, то даже не подходила к игравшим в мяч ребятам, а сразу шла в здание напротив – в Третьяковку, ведь Костя буквально месяцами разглядывал каждую работу великих русских художников, уделяя этому занятию все свободное время.

Перед отправкой спасенных нашими воинами картин Дрезденской галереи в ГДР была устроена прощальная выставка в Москве. Константин попал на нее. Его впечатления от картин оказались настолько сильными и глубокими, что потом, много лет спустя, стоило показать ему репродукцию любой из работ этой экспозиции, как он легко указывал на недостатки в цветопередаче по сравнению с оригиналом. (Позже друзья специально устраивали ему подобные проверки, и он ни разу не ошибался.)

Напряженное духовное пробуждение свершалось в нем внешне незаметно. У него появился первый настоящий друг – Анатолий Максимов, вместе с которым отправился Константин в путешествие по стране живописи. Ребята увлеклись работами импрессионистов. И Васильев захотел испробовать себя в их манере, а курс обучения в школе-интернате требовал строгого академического стиля. Свойственная Константину внутренняя бескомпромиссность, а еще больше юношеская запальчивость круто повернули судьбу художника: он оставляет Москву и едет домой.

Поступив в Казанское художественное училище, Константин окунулся в мир свободного творчества. Диапазон его увлечений, казалось, не имея границ. Ненасытно впитывал он все новое в современном искусстве, причем не только в живописи, но и в музыке, и в литературе.

Учился Костя блестяще и, видимо, без особого напряжения, поскольку успевал еще участвовать почти во всех проводившихся в училище конкурсах, нередко получая премии, сотрудничал в республиканском сатирическом журнале «Чаян» («Скорпион»).

В воскресные дни к нему частенько приезжал Саша Жарский – новый Костин друг, с которым он учился в одной группе. Ребята уходили в лес на этюды, катались на лодке по Волге, часами гуляли по лесу.

К выходным Клавдия Парменовна припасала что-нибудь повкуснее, стараясь досыта накормить ребят, «зарядить» их на неделю. Жарский был человеком неординарным. Его детство и юность прошли в Тулузе, во Франции, где он получил воспитание в очень образованной семье. После войны родители вернулись из эмиграции в СССР. Саша, решивший к тому времени посвятить себя живописи, привез с собой множество художественных альбомов, репродукций с самых известных картин. Костю не могли не увлечь кругозор этого молодого человека и его рассказы о каком-то далеком мире, где в творческих лабораториях кипели страстные споры между представителями различных течений: абстракционизма, экспрессионизма, сюрреализма. По словам Жареного, он и сам варился когда-то в этом, соку, чем немало гордился.

Третьекурсником Васильев по совету родителей перебрался жить в Казань, где вдвоем с Жарским они снимали комнату на частной квартире. По соседству с ними поселились и студенты Казанского авиационного института Олег Шорников и Геннадий Пронин. Юноши, волею случая объединенные на какое-то время общей крышей над головой, стали настоящими

друзьями на долгие годы. Будущие инженеры живо заинтересовались необычным соседством. Шорников, с которым, кстати, Костя жил в одном поселке и был знаком с детства, оказался интересным человеком. В кругу новых друзей он считался «индустриальщиком», увлекался физикой, радиodelом, точными науками. Но при том в нем жила серьезная тяга к живописи, музыке, литературе.

Пронин удивил друзей тем, что привез из родной Бугульмы свою сюрреалистическую работу. Называлась она немного претенциозно – «Я». По оценкам товарищей, работа была неплохая. Геннадий обладал недюжинной фантазией, его привлекало все необычное, оригинальное.

Вечерами друзья с любопытством и удивлением наблюдали, как Васильев в какой-нибудь абстрактной картине мог одной линией ловко изобразить что-то: получалась картина-узор. Голубой тон этого узора завораживал множеством оттенков, и ребята, вдохновляемые комментариями Саши Жареного, создавали в своем воображении неведомый прежде мир, подобно Даниэлю Дефо и Жюлю Верну. В абстрактных опусах Васильев, неизменно поощряемый Жарским, никому, однако, не подражал: он пробовал, искал себя. В немногих сохранившихся работах Константина того периода зрителей и сегодня поражают красивые сочетания цветовых пятен, гибкость выписанных художником линий. В эскизах Васильева резко закреплялись необычайные геометрические и световые формы. Очевидно, внутренне Константин не отходил от присутствующего ему реализма в живописи.

Первыми неизменными зрителями и благодарными критиками художника были его друзья. Приятели настолько сблизились, что и свободное время проводили вместе: ходили в музеи, на концерты. Одной компанией умудрялись даже ездить в Москву, чтобы пополнить личные библиотеки, обогатиться новыми музыкальными записями. Чаще всего в такие поездки с Константином отправлялись Шорников и Пронин.

Студенты – народ небогатый, поэтому нередко путешествовали на крыше вагона. С тех пор прошло 20 лет. И сейчас это может показаться странным, а тогда... В Казани друзья забиралась на крышу и, пока было светло, ехали с ветерком, словно под парусами. Где-то около полуночи прямо на ходу спускались вниз, отыскивали незапертую дверь и до утра блаженствовали на третьих полках вагона. А утром – снова на крышу. Случались и курьезы. Как-то рано поутру шли с ревизией контролеры. Константин безмятежно спал, укрывшись брезентовой курткой, не помышляя ни о какой маскировке. Контролер, разбудив нижнего пассажира, попросил задвинуть этот «рюкзак» подальше к стенке, чтобы он не упал вниз и не зашиб людей. Пассажир оказался смышленным человеком: поднявшись наверх, он умело сыграл свою роль, подтолкнув «рюкзак» на место. Так что ребятам удалось благополучно добраться до Москвы.

* * *

Как мощное радиоактивное излучение, воздействуя на простые материалы, вызывает, в свою очередь, их активность, так Васильев своим талантом пробудил безусловную одаренность этих ребят. Жизнь их приняла ускоренное движение под воздействием новых идей и восторженных мыслей друг друга.

Как-то вечером, возвращаясь на электричке в родной поселок, Шорников сказал ему:

– Сегодня были с Прониным на заседании студенческого научного общества. Там один парень поддал интересную мысль: создать в институте конструкторское бюро по цветомузыке. Пока, правда, неясно, что из этого может получиться...

– Это же идея! – загорелся Константин. – Организуем концерты цветомузыки.

– Концерты?!.

– Да!... А знаешь, у Скрябина в симфонии «Прометей» есть цветомузыкальная строка – «Люче». До сих пор идея композитора по-настоящему не реализована.

На следующий же день друзья энергично взялись за работу. Начались серьезные поиски людей, занимавшихся когда-либо этой проблемой, поиски литературы. Обратившись в архивы Казанской консерватории, чтобы разыскать партитуру Скрябина, документы о нем, они встретили там энтузиастов, поддержавших их начинание. Это были Лорэнс Блинов, будущий композитор, а в то время студент консерватории, и молодой преподаватель Абрам Григорьевич Юсфин, возглавивший в дальнейшем музыкальную часть студенческого конструкторского бюро «Прометей».

Юсфин слыл человеком, хорошо знавшим современных западных и наших отечественных композиторов-модернистов. В его личной библиотеке хранилось много книг по основным направлениям формалистического искусства. Он-то и взялся за расшифровку строки «Люче». Проблем перед ним возникало много, но, как музыкант, он с ними справился. В свою очередь, студенты-конструкторы создали инструменты цветомузыкального оркестра: серию пультов для семи цветов. Каждый пульт управлял своим цветом на громадном экране.

К первому публичному концерту СКБ Васильев нарисовал портрет Скрябина в условно стилизованной манере – прямыми штрихами (тушью на ватмане). Портрет этот стал началом целой серии графических портретов известных композиторов.

Сегодня Васильев в этих студенческих работах открывается зрителю как одаренный график. Несколько смелых, точных, одному художнику ведомых линий – и оживают Лист, Римский-Корсаков, в страстном творческом порыве запечатлен Моцарт...

Дружба с Юсфиным сыграла определенную роль в судьбе Васильева, подтолкнув его к новым поискам в живописи. Константина не удовлетворял круг задач, решаемых импрессионистами, и он перешел к сюрреализму и абстрактному экспрессионизму. В библиотеке композитора ему представилась возможность познакомиться с творчеством Сальвадора Дали, Ива Танги и других заинтересовавших его сюрреалистов, с одной стороны, и абстрактных экспрессионистов Мотервелла, Джексона Поллока, Хуана Миро, Василия Кандинского – с другой.

Разрабатывая новые направления, художник создал целую серию интересных произведений в сюрреалистическом ключе, таких, как «Струна», «Атомный взрыв». Ими особенно восторгался Юсфин, любивший поговорить о серьезности этих формалистических работ.

Однако самого Васильева быстро разочаровал формальный поиск, в основе которого лежал натурализм.

– Единственное, чем интересен сюрреализм, – делился он в друзьями, – это своей чисто внешней эффектностью, возможностью открыто выражать в легкой форме сиюминутные живо-трепещущие стремления и мысли, но отнюдь не глубинные чувства.

И, проводя аналогию с музыкой, сравнивал это направление с джазовой обработкой симфонической пьесы. Во всяком случае, деликатная, тонкая душа Васильева не приняла опреде-

ленной легкомысленности форм сюрреализма: вседозволенности выражения чувств и мыслей, их неуравновешенности и обнаженности. Художник почувствовал его внутреннюю несостоятельность.

Несколько дольше продолжалось увлечение Васильева абстрактным экспрессионизмом, относящимся к беспредметной – живописи и претендовавшим на большую глубину. Столпы абстракционизма утверждали, например, что мастер рисует не тоску на лице человека, а саму тоску, то есть для художника возникает иллюзия полного самовыражения. Подобная концепция не могла не увлечь людей такой богатой фантазии, как Константин и его друзья.

К этому времени Васильев окончил художественное училище и вернулся работать в свой родной поселок. Но круг его друзей несколько не сузился. Напротив, к наезжавшим довольно часто к нему товарищам добавились новые: Анатолий Кузнецов – студент Московского физико-технического института и Юрий Михалкин – весьма способный музыкант, преподававший в музучилище.

Пытаясь найти свою форму самовыражения в искусстве, Васильев напряженно работал, порой не различая дня и ночи. Обычно он ставил на проигрыватель пластинку, надевал наушники, чтобы не беспокоить близких, и уходил в творческий поиск. Но когда бы к нему ни зашли друзья, как бы он при этом ни был увлечен работой, Константин откладывал в сторону кисти, накрывал холст и встречал гостей с неизменным радушием, посвящая им все свое время, забывая порой на неделю, на две о любимом труде. Но этот же человек с поразительной быстротой создавал художественные вещи, когда никто ему не мешал, когда никто в нем не нуждался, когда не надо было нянчить племянницу, развлекать друзей и знакомых.

Вот каким запомнился памятный день первой встречи с художником Юрию Михалкину.

«Теплой августовской ночью мы, пятеро юнцов, беззаботных, жаждущих новизны, чего-то необычного, возвышенного, прибыли в поселок Васильево. Еще утром Кузнецов, у которого я отдыхал в летнем домике на берегу Волги, сказал мне: „Ну что мы здесь сиднем сидим? Тут рядом один малый толковый живет – художник. У него есть музыка, которую ты так хочешь послушать – из французского авангардизма. Едем!“ Но какие-то срочные дела, возникшие у Анатолия, задержали нас, а потом вдруг у него родилась мысль: объединиться всем друзьям детства и махнуть к художнику. Поэтому только поздно вечером, последней электричкой, прибыли мы наконец всей компанией в Васильево.

– Не волнуйся, Костя еще долго будет работать, – успокоил меня Кузнецов.

Мы шли лесной просекой, под высоченными соснами; добравшись до лесопильного завода, ощутили свежесть волжского ветра. Звездное небо высвечивало высокие одноэтажные и в два этажа русские срубы без единого огонька в огромных окнах. Поселок уже спал. Ночная затаенность и долгий путь к художнику усиливали во мне предчувствие встречи с чем-то необычным. Но жила в душе и настороженность: а может быть, художник этот – обычный позер?

– Вот клуб, – сказал кто-то, – завернем за угол и увидим его окно.

И действительно за поворотом светилось одинокое окно, вызволяя из тьмы палисадник, а в нем – живописный куст сирени.

Толя Кузнецов ринулся вперед, забарабанил по стеклу:

– Кто там? – довольно строго откликнулся звонкий баритон.

– Э, да что ты спрашиваешь, свои. – Кузнецов настежь открыл окно, рассмеялся. И вот через какие то секунды перед нами распахнули двери в сени:

– А, заходите, заходите.

Я последним, с легким сожалением, поднялся на крыльцо, подумал: «Всегда наши встречи бывают подготовлены. Вот и сейчас там, за кулисами, голос хороший, дикторский. А помотришь на актера, и настолько все неинтересно, настолько заезжено...»

Вошел в длинный и очень узкий коридор, заставленный большими картинами. Сразу направо кухня – маленькая, но очень уютная. В ней – старинный буфетик, напротив него печь-голландка, у окна маленький столик, за которым, однако, все мы чуть позже прекрасно разместились. Но меня интересовал Костя, каков же он? И вот из своей комнатки-мастерской, прибрав по заведенному им правилу холсты и краски, вышел человек – в гимнастерке, подтянутый, стройный. Никакой позы, расхлябанности. Во взгляде твердость и одновременно притягательное обаяние. Светлые пронизательные глаза смотрели на меня – единственного нового человека в компании – остро, изучающе. Нас представили друг другу. Узнав о моем увлечении музыкой, Костя предложил сесть рядом, стал задавать вопросы, разговорился, искренне заинтересованный в собеседнике. Я поймал себя на мысли, что не испытываю никакого неудобства, общаясь с незнакомым человеком. В дверь неожиданно постучали. Вошла Клавдия Парменовна. Было два часа ночи. И по тому, как вдруг все затихли, стало ясно, что каждый из нас почувствовал бестактность столь позднего визита. Но, к своему удивлению, мы вдруг услышали:

– Ничего, ребята, гостите. Лишь бы сын вас хорошо приветил. А я пойду стелить. В конце концов и вы захотите отдохнуть.

Костя пригласил всех в свою комнату – крошечную мастерскую, где, как я узнал позже, почти все было сделано его руками. Даже черный кожаный диван, на котором он спал, художник смастерил сам, обтянул его, заполнив соломой. Поражало только, как можно было в этой небольшой комнате так просторно и уютно разместиться.

Все шестеро человек расселись, и Костя сумел своей увлеченностью как бы загипнотизировать нас, настроить на трепетное восприятие музыки. А когда он выключил свет и глубокий мрак лишил нас чувства времени и пространства, воцарилась полная тишина. С реальностью связывал нас лишь зеленый глазок магнитофона... Музыка представлялась красивой, загадочной. Все ее звуковые выкрутасы, столкновения гармоний, едва нарождающиеся и тут же уходящие музыкальные красоты казались чем-то значительным, неким звуковым волшебством.

Возможно, такое восприятие подготовила сама обстановка: ночь, тишина, эти кусты, заглядывающие в открытое окно, светящийся зеленый огонек магнитофона – и люди, молодые, своенравные, вдруг затихшие в едином желании постичь сокрытое в нагромождении звуков. Но бесспорно и другое: на нас действовало присутствие Константина. Позже я часто убеждался в его удивительной способности увлекать других своими интересами. И потом, когда мы с ним слушали Гайдна, и когда вместе гуляли по лесу, на меня неизменно действовал импульс его обаяния: его заинтересованность творца, как будто мы слушали собственное его произведение или шли по лесу, выращенному им самим... Костя был энергичным человеком, и весь заряд этой энергии он отдавал тому, чем увлекался, а значит – и чем жил, проявляя при этом высочайшую сосредоточенность. И это не могло не действовать на окружающих.

... Спали мы в соседней с мастерской комнате, на полу, всего часа два. Проснулись в шесть. И как-то по-деревенски встряхнулись, ощутили себя отдохнувшими, бодрыми. С любопытством я разглядывал комнату: добротный письменный стол, книжный шкаф – и картины, картины. Идеальный порядок во всем. Безукоризненная чистота на письменном столе. Книги и необходимые предметы разложены, словно перед инспекторской проверкой. Но я никогда при других своих наездах к Константину не замечал, чтобы он сдувал пылинки или, тщательно расставляя вещи, оценивающим взглядом смотрел на них издалека, вблизи. Нет. Вещи как бы сами естественно ложились на свои места. Где карандашу, листу бумаги, приспособлению для черчения надлежало быть, там он будет и через год, и сразу же его можно взять. Костя подходил к книжному шкафу и не глядя брал книгу, которая ему в данный момент требовалась.

Такое отношение к делу свойственно людям исключительной внутренней собранности, большой духовной силы. Годами наблюдая за Костей, убедился, что без этого не было бы Константина Васильева. Он делал все легко и споро, без игры в какое-то большое и нужное дело.

... Потом был легкий завтрак, прогулка. И опять мы слушали музыку... Звучала классика: Чайковский, Моцарт, Бах. Друзья рекомендовали мне Васильева как художника – фанатика модернизма. «А раз так, – думал я, – значит, он ничего иного не признает». Но в первый мой приезд к нему и много раз позже мы слушали самую разнообразную музыку, в том числе записи русских народных песен. Помнится, через год, когда мы вместе поехали в Москву, он в магазине на улице Кирова покупал много нот клавирной музыки, подобрал Чайковского «Щелкунчик», а потом, обернувшись вдруг к отделу народных песен, сказал: «Были бы у меня деньги, я бы все эти северные русские песни скупил».

... И вот мой памятный визит к Константину подошел к концу. Опять станционная площадь, только теперь взгляд – из отъезжающего поезда. За спиной Васильева светлела та же просека меж взлетающими тонкими соснами. Было много солнца. А он стоял, улыбающийся, с таким светлым, созерцательным лицом. И я представил, как мы уедем, а он вернется к неоконченному холсту и продолжит труд».

Шорников вспоминал, что в один из таких нечаянных визитов к другу он застал Васильева за работой над большим, в несколько квадратных метров, полотном. Олег сразу догадался, что это та самая работа, идеей создания которой Константин с ним недавно поделился. Называться она должна «Лярго» – по наименованию взволновавшей художника третьей части пятой симфонии Д. Шостаковича. Но Олег хорошо знал и то, что Васильев был чрезвычайно требователен к себе и никому не показывал незавершенную работу, даже родной матери. Однако, повинуясь сильному желанию, Шорников вдруг проникновенно посмотрел в глаза другу и попросил:

– Покажи, Костя...

Васильев удивленно вскинул брови, встал, походил по комнате. Потом решительно подошел к картине и, слегка сдвинув накрывавшее ее полотно, приоткрыл край работы...

Даже этот кусочек холста, показанный из-за занавеса, поразил Олега, а позже, когда Васильев представил законченное произведение, зазвучавшее в полный голос, друзья восхищенно заговорили о нем.

Картина иллюстрировала симфонию Шостаковича; она была, конечно, самостоятельным произведением, но сильно перекликалась с музыкой. Увидев на огромном белоснежном холсте нанесенные черной масляной краской дрожащие линии на фоне массивных черных форм, зритель словно чувствовал нервную партию скрипок в мощном звучании всего оркестра.

Нужно было обладать тактом и чутьем Константина Васильева, чтобы вот так мастерски создать из двух контрастных цветов беспредметные формы, имеющие сильное эмоциональное воздействие.

Очень скоро интересы друзей претерпели очередные изменения. Шостакович отошел на второй план, появилась музыка, как бы идущая в ногу с беспредметной живописью. Особенно увлек Васильева в то время Мессиан, в музыке которого звучание музыкальных инструментов заменялось звуками самой природы и различными искусственными шумами.

Константин сам взялся за создание конкретной музыки.

В поисках натуральных звуковых материалов он уходил в лес. Осенью, в пору листопада, когда подолгу не было дождя и листья сухо шуршали под ногами, Константин обувал сапоги и, шагая по листве в нужном ритме, создавал «музыкальную» фразу. А чуть позже, когда появлялся первый ледок, устраивал концерты лесной музыки. Брал, например, льдинку и пускал ее по хрупкому льду. Та подпрыгивала, задевая за бугорки, посвистывала. Или, отыскав кол, втыкал его в лед с размаху, как копьё. Звонкий взрыв разрывал озеро. Какой-то замирающий звук дробился осколками, прокатывался подо льдом.

Заинтересовавшие его звуки он записывал на магнитофон, нередко воспроизводя их голосом. Потом демонстрировал друзьям свои опусы. Они были короткими – от полутора секунд до двух-трех минут. Набор шумов, скрипов, звонов обрабатывал трансформацией,

перекруткой, клейкой магнитофонной ленты таким образом, что получался как бы новый звуковой материал, скрепленный общей конструкцией...

Васильев хотел слышать звуки в их чистом, первозданном виде, расчленять на простые составляющие и жонглировать ими. Видимо, на определенном этапе творческих поисков это было ему необходимо. Хотя при его исключительной природной музыкальности увлечение конкретной музыкой многим в то время казалось странным. Ведь он настолько тонко воспринимал музыку, что преподаватели Казанской консерватории (а у Кости были друзья в этой среде) не хотели верить, будто у него нет специального музыкального образования. Самостоятельно он научился разбираться в нотах, клавирах, партитурах. В клавирах он запоминал всю оперу и потом мог цитировать ее. В его творческой лаборатории постоянно шла работа...

Музыкальные эксперименты находили отражение и в эскизах художника. Эти абстрактные эскизы исключительны своей белизной, контрастирующей с черными пятнами, которые располагаются так, что все поля вокруг кажутся беспредельными, необъятными, подобно световому заоблачному разливу. Но если присмотреться, там проступают тона: серый, перламутровый. Поражает удивительная конструкция черного с оттенками нежно-серого.

По-видимому, именно тогда, ощупью, подходил художник к своей удивительной находке – свинцово-серебристому цвету облаков, который неизменно будоражит чувства зрителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.